

ИМАМ ШАМИЛЬ: ВЕЛИКИЙ МОДЖАХЕД РОССИИ

Среди всех великих моджахедов нашего недавнего прошлого одним из самых героических, но наименее известных, является Имам Шамиль /1799-1871/, который на протяжении трех десятилетий, без внешней помощи, без современного оружия /за исключением того, что можно было захватить у врага/, но с полной верой в Аллаха успешно бросал вызов всей мощи российского империализма. Вне России только в Турции стали известны и уважаемы его смелые дела.

Имам Шамиль не был основателем движения Джихад в России. Фактически его имя ассоциируется с движением, известным как мюридизм⁺ и связанным с духовным орденом Накшбандийа, который так много добился в возрождении духа независимости среди своего народа. Мулла Мухаммад из Ярги может считаться основателем мюридизма. Это движение объединило Дагестан и Чечню в их борьбе за свободу против российского господства. Однако он не стал первым имамом. Этот титул определенно принадлежит мулле Мухаммаду из Гимри, более известному как Квази-Мулла, преемниками которого стали по очереди Хамзед Бек и Имам Шамиль.

Квази-Мулла родился в Гимри около 1793 года. Он прекрасно изучил арабский язык и был мастерским оратором. Он имел огромное влияние на свой народ, благодаря своим знаниям, дальновидной мудрости,

+ Мюрид - последователь суфизма, мистического течения аскетов в исламе; мюридизмом же условно называют освободительное движение горцев Северного Кавказа - своеобразное сочетание суфизма с активным участием в Джихаде.

преданности идеалам Джихада. Его товарищ, Имам Шамиль, жил с ним по соседству еще ребенком, и два мальчика были близкими друзьями. В раннем возрасте Имам Шамиль стал выделяться своей необычайной физической силой и энергией. Он упражнялся в фехтовании на саблях, беге, борьбе, прыжках и разнообразных гимнастических упражнениях до двадцатилетнего возраста, не имея соперников в этих занятиях. Говорили, что он легко мог перепрыгнуть ров шириной в двадцать семь футов /8,23 метра/ или веревку, которую два человека держали на уровне роста человека. Он ходил босиком и с открытой грудью в любую погоду и был совершенством в смелости и силе даже среди тех отважных горцев.

Величайшей трудностью на пути борцов за свободу Дагестана была не мощь России, а внутренняя слабость их собственного народа, который вырос в основном на межплеменных раздорах. Дагестан был разделен на многочисленные ханства и независимые общины многих различных народностей и языков, по большей части резко враждебных друг другу. Межплеменная вражда была хронической, причем не только между различными районами, но между аулами и даже между домами, как это сохранялось с древнейших времен. Тщательно разработанная система кровной мести и клановой круговой поруки была не только санкционирована, но и утверждалась как необходимость племенным языческим Адатом⁺.

Имам Шамиль начал проповедовать о необходимости отказа от языческого Адата и о реставрации верховенства Шариата, одновременно уверяя своих слушателей в политическом единстве и равенстве всех истинных последователей ислама, которые не выказывают преданности никому, кроме тех, кто отмечен честью Аллаха и уважением своего народа. Следовательно, покорение чуждому российскому правлению

+ Адат - обычное право, обычаи у некоторых мусульманских народов.

было неприемлемо для чести каждого истинного мусульманина. После получения достаточной народной поддержки среди своей собственной народности, в конце 1829 года, он открыто призвал своих мюридов в Гимри готовиться к Джихаду против правительства России.

Прежде чем продолжать далее, необходимо дать краткие сведения о географических условиях и об обычаях, традициях этих людей, чтобы понять события долгой борьбы Имама Шамиля.

Кавказский горный хребет похож на величайшую крепость с естественными средствами защиты, еще более усиленными средствами защиты, созданными руками человека; Кавказу характерна также необычайная воинская доблесть. Кавказ является горной цепью, протянувшейся с северо-запада от Черного моря на юго-восток к Каспийскому морю. Трудно покорить пики этих покрытых снегом гор, и так же трудно покорить храбрых людей, которые населяют их. Анонимный русский поэт сказал о них вот что:

"О вы, горные племена!

Свобода - ваш Бог, а сражение - ваш закон жизни!

У вас есть великая дружба и еще более великая месть.

Для вас порок оплачивается пороком, достоинство - честью.

Ваша ненависть, как и любовь, не знает границ!"

Народы Дагестана выбирали места для своих городов и аулов с учетом прежде всего интересов их обороны. Они почти всегда строились либо напротив обрыва скалы, совершенно изолирующего их, либо на недостижимых утесах, защищающих от внезапного нападения. Дома строились из камня, высотой в два этажа, слагались весьма добротно и часто обмазывались белым. Улицы были очень узкие, а тротуары едва позволяли двум всадникам ехать плечом к плечу, а через интервалы блокированы деревянными барьерами, что делало проход невозможным до тех пор, пока защитники не будут выманены или убиты.

Аулы могли быть взяты лишь при помощи жестокого нападения, и это была весьма трудновыполнимая задача, если принять во внимание, что каждый отдельный дом имел свой собственный гарнизон отважных мужчин и часто еще более отважных женщин.

В горных долинах аулы часто были спрятаны от посторонних глаз в глубоких ущельях, и там произрастали виноград и фруктовые деревья, кукуруза и другие злаки, благодарно отвечая на внимательный уход за ними. Ирригационные и террасные работы, которые в некоторых местах создали великолепные сады, а также то, что создано самой природой, не могли не вызвать восхищения гостей из более благоприятных регионов. На многих скалистых холмах клочки культивированной земли могли быть достигнуты лишь при помощи трудного восхождения, да еще и с условием, что любая работа на таких участках по обработке земли должна была выполняться лишь вручную.

Название Чечне было дано русскими региону, прилегающему к Дагестану и Кавказским горам. Вся страна была покрыта густыми лесами, пересеченными многочисленными речками и ручьями, которые стекали с близлежащих гор. На берегах этих рек проживали чеченцы, а их изолированные фермы и аулы иногда насчитывали сотни домов. Дома были одноэтажные, с плоскими крышами, возведенными из обожженного солнцем кирпича, и не лишеными удобств в смысле ковров, циновок, подушек и прочей утвари, медных сосудов и чаш и другой домашней посуды. Каждый дом обычно имел свой собственный сад или огород, а вокруг них - в лесу - обработанные поля, засеянные кукурузой, овсом, ячменем, рожью, просом, - соответственно определенным местным условиям. Поскольку эти селения были недостаточно укреплены, уделялось особое внимание тому, чтобы держать одну сторону обращенной к лесу, и при первом признаке опасности женщины и дети могли уходить туда со всеми их вещами, которые можно было унести. Лес

был заполнен гигантскими буковыми деревьями, что было для чеченцев своеобразным безотказным укрытием в опасности и их основной защитой от продвигающихся вперед русских. Пока лес стоял на их земле, чеченцы были невидимыми. Русские не были в состоянии даже наблюдать за ними, до тех пор, пока не срубили буковые деревья, так что в конце концов русские восторжествовали не мечом, а топором. Имам Шамиль осознавал жизненную важность лесов и отдал строгий приказ о их сохранении. Он ввел жестокие кары не только за то, что деревья рубились, но даже за то, что они рубились для законных нужд без его позволения. Корова или бык были обычным штрафом за каждое срубленное дерево для законных нужд, но без его позволения, а в случае с незаконным уничтожением дерева виновника вешали в качестве предупреждения для других.

Физически чеченцы были высоки, хорошо /хотя и худощаво/ сложены, милостивы, с хорошей реакцией, смелы. Как и горные племена Дагестана, они были мягки, способны на любую самую ужасную и тяжелую работу, а гостеприимство было у них священной обязанностью, в полном соответствии с традицией ислама. Совершенно прямые и честные по характеру, сражавшиеся против русских были единственным примером для всех взрослых мужчин, а девушки хотели выходить замуж лишь да тех, кто прославился героическими делами. В пище и питье они проявили себя аскетичными, а сном никогда не злоупотребляли. Домашняя и сельскохозяйственная работа была оставлена на попечение женщин или рабов, большинство из которых представляли собой пленников, взятых на войне.

Хотя все эти люди были мусульманами, и у них были мечети во всех важнейших городах и аулах, где муллы разъясняли людям Коран, арабский язык был священным языком и единственным языком письменности, все же вплоть до того, что было предпринято Имамом Шамилем,

все гражданские и уголовные дела были обсуждаемы согласно Адату, или племенному традиционному закону, а не согласно Шариаду.

В своем беспрестанном стремлении на восток русские вели себя по отношению к коренному населению Средней Азии и Сибири никак не иначе, чем англичане, французы или голландцы, и их расистские настроения были такими же жестокими, как и у всех белых людей где бы то ни было. Зверства русских по отношению к коренным народам Средней Азии и Сибири имеют поразительное сходство с жестокостями белых поселенцев в Америке во времена пионеров, которые уничтожали индейцев-аборигенов. Русский империализм был /и все еще есть/ столь же самонеданным, сколь любой другой белый колониализм, и столь же подавляющим все естественное, если даже не более того. Что было типично для европейского империализма по всему миру в те дни, русский вид характеризовался непомерной жадой экспансии, доминирования, эксплуатации и беспощадного геноцида тех коренных групп, которые оставались на своем пути.

Когда "умиротворяющее" наступление на Кавказ началось в 1830 году, русские признавались, что, несмотря на их превосходство в оружии и численности, они могут добиться господства над регионом лишь путем разрушения аулов, вырубки леса и превращения обработанных земель в пустыню с целью лишения оставшихся в живых пищи. Типично для европейского империализма, где бы то ни было, это приводилось в жизнь с преувеличенной суровостью и жестокостью.

Русский генерал Торнам, который был назначен царем Николаем выполнить эту миссию, ссылается на следующий рассказ очевидца событий:

"Услышав, что чеченцы, которые закрылись в своих домах и отказались расквартировать нас, стали исступленно палить и уже убили подполковника и ранили нескольких наших солдат, Волховский, началь-

ник состава, приказал артиллерии решить дело лично с полковником Бруммером. Я должен был провести их по дороге, которую я уже нашел - она проходила через селение. Дома были окружены тройной цепью снайперов, лежащих за заборами и деревьями. Были отданы приказы прекратить огонь и направить его по домам. Легче сказать, чем сделать! Слой глины толщиной с фут /30,5 см/ защищал внутренние стены, а сами стены были сплошь полны бойницами, блестящими несущими смерть ружьями. Однако двое саперов нашлись, чтобы выполнить эту задачу. Толкая перед ~~ними~~ собой бычий щит в качестве прикрытия и неся связки хвороста и кустарника, они проникли в узкую часть дома, пробившись через глиняное основание с большим трудом и подожгли стену, которая начала тлеть под своим огнестойким покрытием. Чеченцы продолжали стрелять с этой стороны до тех пор, пока огонь и жар не отогнали их от горячей стены. К этому времени к саперам присоединились несколько артиллеристов, также добровольцев, которые взобрались на плоскую крышу с горячей стены, взяли в руки гранаты у саперов, зажгли запалы и бросили их через широкий проход внутрь помещения, переполненного защитниками. Мы слышали разрывы первых двух гранат, но не последующих, поскольку узнали позже, что чеченцы успели поймать их и обезвредить до того, как они смогли разорваться. Однако мало-помалу пожар распространился на остальные две улицы, и врагу ничего не оставалось, как сдаться нам, или сгореть заживо. Волхонский чувствовал сожаление по поводу бедных и приказал переводчику предложить им, чтобы они сдали оружие, и обещал им не только сохранить им жизнь, но также и право на обмен на русских пленных, захваченных ими, таким образом давая им надежду на возвращение к своим семьям. Огонь прекратился, когда переводчик вышел вперед и сказал но-чеченски, что он хочет говорить

Оборонявшиеся выслушали предложение, собрались вместе на несколько минут, а затем вышел почти обнаженный, черный от копоти, и произнес короткую речь, за которой последовал шквальный оружейный огонь из всех бойниц. То, что он сказал, сводится к следующему: "Мы не хотим уступать. Единственное, о чем мы просим русских, — дать нашим семьям знать, что мы умерли так, как и жили, отвергая капитуляцию любому чужеземному игу!"

"Теперь приказания были сделаны вести огонь по домам со всех сторон. Солнце село, и картина разрушений и руин была освещена только красными языками пламени. Чеченцы, явно настроенные умереть, уже начали петь свои песни смерти хором, сначала громко, а потом все тише и тише, с учетом того, что их число уменьшалось под всем этим огнем и дымом. Однако же, смерть от огня так ужасна, что эту агонию не каждый сможет перенести. Внезапно дверь горящего дома открылась. На пороге стоял чеченец, размахивающий своей саблей. Он бросился прямо на нас. И лишь для того, чтобы быть сраженным прямо в его обнаженную грудь. Чеченец высоко подпрыгнул в воздух, упал, опять поднялся на ноги, выпрямился во весь свой рост, бросился вперед и упал мертвым на свою родную землю. Пятью минутами спустя сцена повторилась; другой чеченец подпрыгнул, выстрелил из своего ружья, взмахнул своей саблей, прорвался через две линии наших снайперов лишь для того, чтобы быть сраженным третьей линией. Ни один из чеченцев не был взят в плен живым; семьдесят семь чеченцев кончили свои жизни в огне.

"Последний акт кровавой драмы был сыгран; ночь покрыла скорбную сцену, и среди нас, русских, должно быть, был не один такой, кто бы не спросил во глубине своего сознания: "Зачем все это нужно?"

Неужели не хватает места для всех человеческих существ на этой земле без того, чтобы принималось во внимание различие в расе или вере? Мы, русские, превратили цветущие сады, зеленые огороды и счастливые дома Чечни в руины и пепел, и семена ненависти, ненависти против нас, надолго найдут свое выражение в народном творчестве этой области".

"Результатами царской экспедиции были покорение 80 аулов, полное уничтожение 60 аулов; потери русских были 1 офицер 16 солдат убитыми и 18 офицеров и 333 солдата ранеными".

Квази-Мулла теперь возвратился в Дагестан и с помощью Имама Шамиля занялся работой по обороне своего родного Гимри, потому что он знал, что конец близок, и страстно желая "шахадат", или принесения себя в жертву, он определил, что будет сражаться до конца.

Из всего количества его людей только двое спаслись, но одним из них был Имам Шамиль, чья необычайная сила, выносливость и владение мечом спасли ему жизнь. Подобно тигру, он очутился позади линии русских солдат, готовящихся стрелять в том направлении, где он стоял, затем он размахнулся своей саблей, зарезал трех солдат, но был поражен четвертым прямо в грудь. Но и тогда он снес голову врагу, вытащил клинок из своего тела и убежал в лес, несмотря на то, что, кроме нанесенной ему колотой раны, он страдал от сломанного ребра и вывихнутого плеча. После того, как он прятался на протяжении трех дней, он смог добраться до своего родного аула и вылезаться там двадцать пять дней, когда он был между жизнью и смертью поскольку русский клинок прошел прямо через одно из его легких. Наконец его тесть, Абдул Азиз, великолепный хирург, который тоже скрывался, вернулся и наложил на рану микстуру из воска, дегтя и масла в равных частях, после чего он начал поправляться. Люди Дагестана были весьма опытыны в хирургии, возможно, из-за той частоты,

с которой этот народ получал раны в битвах. Они могли успешно оперировать всевозможные раны при помощи к и н ж а л а , своего национального оружия. Они могли также накладывать мази, подобные той, которая была приготовлена Абдул Азизом для Имама Шамиля. Русские призывали их на помощь, когда их собственные хирурги были беспомощны. Говорилось даже, что они использовали методы антисептической защиты, несмотря на то, что ничего не знали о микробах.

К этому времени армия м и р н о в заняла выгодную позицию в ауле Ашиятар, но ее отбросили назад мощным артиллерийским огнем, борясь за каждый дюйм земли своим отступлением. Майор Фухс тогда прокладывал себе путь по улочкам в рукопашной битве, и личная смелость и сила были решающими факторами. В своем дневнике майор Фухс писал: "Моджахеды бросались на наших солдат бесстрашно и умирали на наших штыках. Уособенно захватывающим было осаждение домов. Ни одно помещение не было сдано, и ни одного пленного взять не удалось. Несмотря на свое безнадежное положение, они продолжали серьезно угрожать нашим людям. Наиболее фанатичные из них были рады, если могли уничтожить хоть кого-нибудь из неверных. Против нашей артиллерии они защищались поодиночке своими саблями и к и н ж а л а м и до тех пор, пока не умирали на наших штыках; некоторые бросались на дымящую жернова наших солдат без какого-бы то ни было оружия..."

Положение Имама Шамиля становилось все более и более тяжелым. Ни для кого не было безопасного выхода, за исключением бегства в глубину пещер. Воду можно было доставать лишь из реки, находившейся гораздо ниже линии огня русских солдат, провизии было очень мало и недостаточно, а топлива для обогрева домов в очень холодное зимнее время почти совсем не осталось. Воздух был поражен гниением трупов тех, кто погиб в битве или умер от голода или

болезней. Днем и ночью русская артиллерия обстреливала их со всех сторон, и уже не было надежды на облегчение.

Генерал Граббе настаивал на том, что он не может снять осаду до тех пор, пока Имам Шамиль безоговорочно сдастся российскому правительству и предоставит своего двенадцатилетнего сына Джамаль-уд-дина в качестве заложника. Тем временем Имам Шамиль потерял нескольких своих самых храбрых и преданных последователей. Скалы были покрыты мертвыми, умирающими и ранеными, а уцелевшие были обременены заботами о беспомощных голодающих женщинах и детях. Сознавая, что дальнейшее сопротивление стало самоубийственным, Имам Шамиль поднял белый флаг капитуляции и послал своего сына Джамаль-уд-дина в качестве заложника к русским, принося его таким образом в жертву во имя спасения своих последователей и остатков своей семьи.

За этим последовала чудовищная битва. Даже женщины поднимались против целых цепей ружей. Было взято девять сотен пленных, в основном женщин, детей и стариков, но даже они не оставались в стороне от этой безнадежной битвы, несмотря на свои раны, голод и истощение. Некоторые из них, собрав свои последние силы, бросались прямо на ружья и атаковали солдат, предпочитая смерть бесславному плену. Рыдания детей, стоны больных, раненых и умирающих завершили эту трагическую сцену.

В ту ночь, видя, что все покончено, Имам Шамиль вместе с одной женой и ребенком /другая жена и ее младенец погибли во время блокады/, сопровождаемые немногими преданными последователями, спаслись бегством с отвесных скал. На следующую ночь эта маленькая группа достигла берега реки и построила плотик из нескольких бревен, направила его вниз по течению реки, нагрузив его манекенами с тем, чтобы обмануть внимание русских. Они осторожно пробирались вниз по течению, пока не добрались до некоего ущелья.

Здесь, когда они углубились внутрь, они натолкнулись на еще большее число окружавших их русских, и здесь же произошло еще одно сражение. Имам Шамиль и его маленький сын, подвешенный за спиной своей матери, были ранены, но им удалось спастись, так как русский лейтенант-командир был убит. В такой драматической ситуации, которую трудно даже вообразить, несчастная маленькая группа вынуждена была спрятаться. Русские полагали, что это пришел конец власти Имама Шамиля, но в течение одного года он превратился в вождя целого региона, а через три года он нанес кровавое поражение своим бывшим победителям, и весь северный Дагестан был захвачен, каждый русский гарнизон и каждое подразделение были уничтожены, а исламское правление м ю р и д и з м а праздновало триумф.

Слова о его мудрости и благочестии быстро распространялись, и аул за аулом в этом регионе просили править ими, что он принимал, при условии абсолютного, непререкаемого подчинения его командам, и он ездил из аула в аул, проповедуя Шарият.

Избегая, где это было возможно, серьезных сражений с хорошо обученными солдатами царя, Имам Шамиль продвигался с огромной скоростью. Бывало, его видели в определенном месте, а на следующий день — уже в другом, на большом расстоянии от первого. Он двигался как молния, уничтожая врага, а затем исчезая в считанные минуты среди лесов или на вершинах гор, покрывая от 70 до 80 миль в течение часов, тогда как его военачальники использовали такую же тактику на границах Дагестана на востоке, держа врага в напряжении и изводя его при помощи самого утомительного из всех видов военных действий. Имам Шамиль продолжал эту повстанческую тактику на протяжении десятилетий, разбивая генерала за генералом, которые имели наивысшие профессиональные позиции в царской армии и были посланы против него.

Сражающийся повстанец должен был быть способен не только переносить самые крайние трудности и отсутствие пищи, воды, одежды и крыши над головой, но также переносить болезни и ранения без особенной помощи врачей или хирургов.

Войска м ю р и д о в под руководством Имама Шамиля вели именно такую жизнь. Они должны были встречать лицом к лицу все эти трудности и лишения постоянно, и таким образом выработали у себя величайшую выносливость.

Однако постепенно, шаг за шагом, такой продолжительный и изнурительный конфликт вывел из терпения тех, кто был слабее в вере. Они попытались уговорить мать Имама Шамиля, престарелую женщину, глубоко уважаемую за ее благочестие и доброту сердца, и она, будучи под сильным впечатлением от ужасных историй о мщении русских, решила заступиться за них и упросить своего сына слаться. В тот же вечер она посетила его и возвратилась домой с глазами, красными от рыданий.

Имам Шамиль заперся в деревенской мечети, вокруг которой, по его приказу, собрались м ю р и д и и жители аула, чтобы они могли присоединиться к нему в его молитвах. Три дня и три ночи дверь оставалась запертой, а м у д ж а х е д и н ы молились и соблюдали пост неподалеку от своего имама. Наконец Имам Шамиль показался перед своим народом — бледный, изнеможенный, с глазами, налитыми кровью, как после длительного плача. Сопровождаемый двумя из своих м ю р и д о в , он в молчании взобрался на плоскую крышу мечети, и по его приказу привели его мать, закутанную в белую шаль. Ведомая двумя муллами, медленными, неуверенными шагами она подошла к своему сыну, который несколько минут пристально вглядывался в нее, ничего не говоря, а затем, подняв глаза к небесам, он возгласил:

"О великий Пророк Мухаммад, да пребудет с тобой мир! Священны и неизменны твои заповеди! Да будет же справедливое изречение исполнено в качестве примера для всех верующих! Такова воля Аллаха: кто бы первый не согласился на позорное предложение просить мой народ сдаться - тот должен получить сотню жестоких ударов, и этот человек - моя собственная мать!"

Затем по команде Имама м ю р и д а м было приказано исполнить наказание. После ~~шестого~~ же удара жертва потеряла сознание, а Имам Шамиль, не в силах перенести эту сцену, бросился к ногам своей матери и задержал руки палачей. После нескольких мгновений, без единой тени своего былого чувства, он еще раз поднял свои глаза к небу и воскликнул печальным голосом: "Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад - Пророк Его!" "О Обитатели Рая, вы слышали мою чистосердечную молитву и позволили мне взять на себя оставшиеся удары, на которые была осуждена моя несчастная мать! Эти удары я принимаю с радостью, как бесценный подарок!" И с улыбкой на губах он снял свою красную одежду, вооружил двух м ю р и д о в толстыми хлыстами и заверил их, что он убьет собственной рукой того, кто осмелится оспаривать волю Аллаха и Пророка; молча и без единого знака страдания он получил остававшиеся 95 ударов. Потом, надев на себя свою верхнюю одежду и спустившись с крыши дома, Имам Шамиль вошел в толпу, совершенно пораженную случившимся, и спросил: "Где те несчастные, которые ответственны за страдания моей матери при таком позорном наказании?" Трепетавшие трусы немедленно были вытолкнуты вперед и поставлены на колени, и ни один из них не сомневался в своей дальнейшей судьбе. Но, к их удивлению, а также к удивлению молчаливой, затаившей дыхание толпы, вместо жесточайших фатальных ударов, ожидаемых всеми, Имам сказал им: "Возвращайтесь назад к своим людям и в ответ на их позорные

требования о капитуляции расскажите им обо всем, что вы увидели и услышали здесь!"

Имам Шамиль не забывал о своем сыне, Джамаль-уд-дине, который был вероломно увезен от него русскими. Для того, чтобы обеспечить освобождение сына, он предпринимал на протяжении лет много попыток, но все тщетно. Но случилось так, что небольшой отряд м ю р и д о в под предводительством Кази Мухаммада напал на сельскую усадьбу князя Орбелиани и увез оттуда всю княжескую семью в плен. Пленение таких родовитых аристократов вызвало серьезное возбуждение, и сразу же были начаты переговоры об их освобождении. Император Николай согласился возвратить Джамаль-уд-дина в обмен на них. Джамаль-уд-дин, теперь уже лейтенант российской армии, был сопровожден двумя русскими офицерами. Он перешел реку, где ему надо было снять свою российскую военную форму, и надел на себя национальные дагестанские полосатые одежды и торбан, а затем он встретился со своим отцом, который тепло его обнял.

Судьба Джамаль-уд-дина была действительно очень печальна. С детства воспитанный в Санкт-Петербурге и принятый в российскую армию, теперь он был чужим своему собственному отцу и чувствовал себя иноземцем на земле, давшей ему жизнь, будучи совершенно неспособным найти свое место среди родного народа. Он мало сочувствовал своим сородичам или своей стране, и постепенно смотрел на все вокруг с подозрением и отвращением. Даже Имам Шамиль почувствовал отчуждение к своему сыну, когда понял, что тот определенно стал отступником от ислама, захваченным русскими идеями до такой степени, что был убежден в мощи России, ~~это~~ привело его к тому, что он умолял отца капитулировать. По прошествии короткого времени Джамаль-уд-дин был послан жить в Карату, главный аул одноименного племени, в усадьбу своего младшего брата Кази Мухаммада; это

было место исключительной природной красоты. Но ни прекрасные окрестности, ни любовное внимание его брата не смогли благотворно повлиять на его отношение к изменению своего окружения. Он становился нравственно все более и более подавленным, опустился и в три года угас.

Домашние слуги Имама Шамиля все были военнопленными, как мусульманами, так и христианами, но они продолжали добровольно служить ему, даже если им возвращена была свобода. Он был очень добр к бедным людям, к рабам, нищим и военнопленным. Он был уверен, что молитвы бедных и несчастных угодны Богу, и когда бы не начинал подготовку к очередной кампании, он собирал их вместе, распределял между ними пищу и одежду и молил их помолиться за успех его миссии.

У Имама Шамиля было всего шесть жен — одна умерла, другая была убита русскими пулями вместе со своим малолетним сыном, но он был наиболее привязан к Шуанэ, армянской девушке, взятой в плен во время налета 1840 года. Ради него она отреклась от христианства и приняла ислам, став очень ревностной и благочестивой. Когда ее брат, богатый купец, предложил 10 тысяч рублей в качестве выкупа за нее, Имам Шамиль ответил, что не взял бы и миллион, а Шуанэ не покинула бы его за столько и даже за больше.

Единственным существом, всегда встречавшим гостеприимство за столом Имама, была очень простая черно-белая кошка, подарок от русского дезертира. Имам Шамиль был очень привязан к этому животному, и никогда не ужинал без своего преданного друга, как никогда не начинал он собственную трапезу прежде, чем приготовит трапезу для нее. Стол был маленьким и очень низким, и кошка и ее хозяин располагались на противоположных сторонах прямо на покрытом коврами полу. Во время осады, пока Имам Шамиль участвовал в бит-

ве, кошка загрустила и, несмотря на все то, что смог сделать для нее Кази Мухаммад, умерла. Когда Имам Шамиль услышал, что его маленькая любимица умерла, он принял это близко к сердцу и сказал: "Теперь для меня все пойдет плохо".

Долгий период стагнации стал деморализующим фактором для последователей Имама, которые, как только русские не оставили им возможности сражаться, стали терять мужество, покидать ряды его воинов и в большом количестве сдаваться. Точно так же, как англичане в Индии, русские обещали людям не вмешиваться в их традиции и обычаи, не преследовать их за религиозные убеждения. Так, в мирском смысле, мюризм потерпел поражение, но если принять во внимание огромные трудности, через которые Имам Шамиль вел свое движение, выглядит поистине чудом то, что оно процветало такое долгое время. Не только внешние факторы, но и внутренняя ситуация были против него. Он не только должен был противостоять царским армиям, превосходящим его в числе, и их почти безграничным ресурсам, будучи сам лишен какой бы то ни было внешней поддержки, но также был вынужден иметь дело со внутренними трениями и межплеменной враждой. Нелегким делом было принести мир, закон и порядок на землю, которая в течение многих столетий не знала ничего, кроме кровавых междоусобиц. Если бы Кавказ был населен людьми единого племени, расы и языка, такая задача могла бы быть легче. Чтобы с корнем вырвать из этих людей языческие суеверия и обычаи и ввести в силу Шариат, Иمامу Шамилю приходилось быть твердым, а иногда и жестоким. Те люди, которые в свете Адата видели всю свою жизнь, находили тягостным следовать Шариату. Долгие десятилетия беспрестанной борьбы взяли свою дань. целые семейства погибли, и целые аулы были смешаны с землей. Трудно было найти семью, где бы отец.

муж или брат не пали жертвой. На протяжении многих лет никакого внимания не уделялось возделанным полям, и не было никого, кто бы ухаживал за садами и огородами. А теперь русские стали пытаться подкупить тех людей, которые не знали ничего, кроме лишений, нищеты и голода, и такими деньгами, чтобы склонить их к сдаче, обещая одновременно помочь им в повышении их жизненного уровня. И, истощенные постоянной войной, которая отягощала их свыше их возможностей, они отступили.

Морозным утром 25 августа 1859 года русские предприняли свою последнюю атаку на Имама Шамиля и мюридов. Как и всегда, мюриды оказали самое героическое сопротивление. Но перед тем, как штурмовать сам аул, генерал Баркатинский попытался договориться о мире. Если бы Имам Шамиль был один, он, вероятно, предпочел бы умереть, но с ним были его жены и дети, а также преданный народ аула, давшего ему убежище в то время, когда весь Дагестан и вся Чечня предали его, покинули его и жаждали его крови. Имам Шамиль беспокоился о стариках, женщинах и детях, и когда ему стало ясно, что если русские атакуют силами всего батальона, то никто не уцелеет; он послал двоих из своих мюридов на переговоры об условиях капитуляции.

После того, как в плену к нему относились с честью и уважением, Имам Шамиль попросил совершить Хадж, и ему наконец позволили отправиться в Аравию, где в Медине, городе Святого Пророка, он и испустил свой последний вздох.

"Умиротворение" Кавказа не было завершено вплоть до 1864 года. Вслед за тем последовала массовая депортация около миллиона исконных народов в Турцию, но из-за голода, болезней и трудностей на переполненных судах менее половины их прибыли туда, куда направлялись. Депортация "очистила" большие районы Северного Кавказа от

"местных". Они были жестко захвачены и колонизированы русскими, которые пользовались большими привилегиями согласно российским законам, тогда как исконные народы преследовались и подавлялись колониалистами. Бесконечные стычки между русскими поселенцами и местными народами продолжались вплоть до коммунистической революции 1917 года.

11 мая 1918 года эти народы провозгласили свою независимость и учредили независимую Исламскую Республику Кавказа, но 30 марта 1920 года Ленин приказал Красной Армии сокрушить ее, и после жестокой борьбы был взят столичный город Кавказа, за чем последовала сильнейшая волна коммунистических репрессий, что привело лишь к возобновлению сопротивления, продолжавшегося еще 11 месяцев. Ленин приказал, что Кавказская Республика должна быть разделена на множество приводящих в замешательство административных единиц, что служило лишь делу отделения различных северокавказских племен друг от друга и их отчуждению. Также, по приказу Ленина, арабский алфавит был заменен русской кириллицей, а Коммунистическая партия призвала к "созданию единой великой Советской Родины, объединенной русским языком и единой русской культурой".

Ужасающие чистки 1936-1937 годов против "буржуазного национализма" принесли с собой повальные аресты, религиозные преследования стали непереносимыми. Мечети и церкви в одинаковой манере были закрыты, а после того еще и превращены в клубы и складские помещения. 25 000 важных религиозных деятелей были арестованы и сосланы в лагеря рабского труда⁺ в Сибири. Во времена насильст-

+ Автор имеет в виду концентрационные лагеря ГУЛАГа /примечание переводчика/

венной коллективизации сельского хозяйства Северный Кавказ пережил такую же трагедию, как Украины, а массовые аресты и казни стали обычным делом. Значительное число населения не смогло пережить эти катастрофы.

Уцелевшие ненавидели Сталина и весь советский режим так сильно, что были готовы приветствовать любого, кто обещал бы освободить их. Хотя тирания Гитлера была столь же ужасной, как и сталинская тирания, они этого не понимали, и массовые антикоммунистические восстания, охватившие Северный Кавказ во время Второй мировой войны, значительно помогли нацистскому вторжению в Россию.

Как только Россия одержала победу над Германией в 1945 году, настоящее царство террора охватило край. Сталин приказал арестовывать каждого мужчину, каждую женщину и каждого ребенка из чеченцев, ингушей, балкарцев и карачаевцев, - всего более полумиллиона человек. Те, кто не был казнен на месте, были отвезены в лагеря рабского труда в Сибири. С любой практической точки зрения эти четыре народа прекратили существование.

В 1957 году Хрущев, в качестве части разоблачений Сталина, обвинил диктатора в том, что он был "единственным безумным подстрекателем этого чудовищного геноцида" и посвятил себя "реабилитации" тех четырех северокавказских народов. Однако лишь немногие вернулись из ссылки. Те, кто был свидетелем депортации, признавались, что "они умирали в Сибири, как мухи". Те немногие, которые выжили, чтобы возвратиться после хрущевской "реабилитации", не смогли вернуться в свои родные аулы, поскольку все они уже давно были уничтожены или колонизованы русскими. Таким образом, они разделили свою судьбу с судьбой палестинских арабов в руках израильтян. Для деградации исконных народов везде под властью белого империализма типично то, что сегодня осталось лишь немного уцелев-

ших, живущих теперь в совершенной нищете в лачугах пригородов в качестве неиссякаемого источника дешевой, лакейской, неквалифицированной рабочей силы для фабрик и заводов, которыми владеют русские.

Таким образом, Имам Шамиль и его муджахеды бросали вызов этому имперскому могуществу на протяжении многих десятилетий; это была самая долгая, самая дорогая и самая кровавая борьба в российской истории до Второй мировой войны.

Знаменитый русский генерал Валинов сказал:

"Те армии, которые мы потеряли, и те лучшие люди, которые погибли в тех битвах, могли бы завоевать для нас земли между Турцией и Японией..."

Эта политика экспансионизма, империализма и колониализма остается неизменной при Советской коммунистической власти.

Наиболее заметный аспект советской внешней политики сегодня в том, что она поддерживает арабов /особенно палестинцев/ и другие мусульманские народы, громко провозглашая социалистическую поддержку всех борцов за свободу в так называемом "третьем мире", против империализма, но в то же время она безжалостно преследует мусульман внутри границ СССР и использует против них самую агрессивную форму белого колониального давления. Внимательное изучение жизни Имама Шамиля даст нам возможность разоблачить фальшивую пропаганду и открыть ее лицемерие каждому во всей его обнаженной отвратительности.
